

МиРон МаРусич

16+

SENIORIRON

(он не был героем)

Мирон Марусич

SenorIron. Он не был героем

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Марусич М. А.

SenorIron. Он не был героем / М. А. Марусич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Senoriron или сеньор Ирон - имя одноимённого персонажа в играх Карос и войны престолов. Круто заваренная фэнтези, с погонями, мечами, магией и, конечно же, прекрасными принцессами. Он не был героем, но он им стал. Книга прекрасно подойдёт для хорошего досуга, добавит толику адреналина в кровь, заставит задуматься и позволит просто приятно скоротать время.

SenorIron

он не был героем.

Жизнь и удивительные приключения бедного дворянского мальчика.

Рамс (он не был героем).

Он вёл их из города, высокий худощавый мужчина, лет сорока с простым рабочим мечём, на широком кожаном поясе. Новые, грубой выделки сапоги до колен, малиновые штаны и жёлтая безрукавка дополняли его наряд. Следом, на простой пеньковой верёвке, длинной цепочкой, плелись, шлёпая босыми ногами по грязи, восемь полунагих женщин.

– Живее, передвигайте ноги! Что плетётесь, как недоенные! Мне надо успеть засветло.

Мужчина, столь грозно кричавший на испуганных рабынь, понимал, – не успеть. И виноват в опоздании будет, прежде всего, он, а никто иной. Последняя кружка была лишней, да и предпоследняя, пожалуй...

Рамс не привык трусить, неплохо владея клинком, можно держать нервы в узде, но сегодня он ощущал себя словно не в своей тарелке. Тревожно ныло сердце, и, подгоняя рабынь, он пытался укротить, нет, ещё не страх, просто нехорошие предчувствия.

Кровавый закат ложился на широкие поля и опушку близкого леса. Качаясь на широко расставленных ногах, Рамс осмотрелся. Да, за лесом, за тем лесом, что виднеется впереди, цель его путешествия.

– Живее, шлюхи!

Рабыни послушно прибавили шаг, настолько, насколько это было возможно, Рамс вздохнул. Женщины не были шлюхами, просто рабыни, купленные в ближайшем к замку городе, на ежемесячной распродаже. Они станут работать в замке, выполняя все прихоти хозяина, и если господин будет добр, его, Рамса прихоти.

Мужчина сильнее дёрнул за верёвку, которую сжимал в потном кулаке и, шатаясь, упрямо пошёл вперёд. Сапоги скользили в месиве, которое добрые люди отчего-то называют дорогой.

У него больше не было сил ругаться, впрочем, не было сил вообще, и потому он никак не отреагировал на свист, раздавшийся на лесной опушке. Пришли, мелькнула и погасла трезвая мысль в пьяной голове. Впрочем, замок близко, его сеньора знают многие, и только последний безумец решиться ограбить.

Свирестёл всегда предупреждает об опасности. Трусливая птица имеет на неё особое чутьё, беспокоясь не только о себе, но и о других. Свистел именно он...

Рамс остановился, предстоял разговор, короткий, возможно длинный, но вероятнее всего просто разговор. Так бывало, не раз и даже не два. Лихие людишки обходили замок стороной, предпочитая не связываться с его обитателями, вернее с одним из них – сеньором Ироном.

Да, Рамс не трусил, справедливо считая, что предстоит лишь досадная задержка и небольшой разгон в замке от хозяина за опоздание. Ирон не любил ждать, но сеньором был честным и справедливым. Злые языки поговаривали, что сеньор колдун и знает с тёмными силами, но Рамс не верил, хотя свидетельств тому повидал предостаточно.

Мужчина ждал, рабыни стояли молча, под мелким, холодным дождём, радуясь короткой передышке. Мокрые волосы, чёрные, рыжие и почти белые, влага, стекающая по ложбинкам грудей, и ниже, туда, где ноги теряют своё гордое название, в заманчивое туда, прикрытое лишь короткими прозрачными юбочками.

Было от чего возбудиться в лучах заходящего солнца, кружащего день за днём, вокруг странного мира, мира, где жил Рамс.

Свист повторился и Рамс осознал, что задержка может стоить ему жизни. Хорт гроблины, страшные, злые твари, никогда не появлявшиеся здесь прежде. Рамс насчитал десятков, в походно боевом снаряжении, короткой цепью выскочивший из леса.

Странно, либо давно в рейде и потеряли двоих, либо эти двое прячутся с луками среди деревьев. Дело дрянь. Хорт гроблины выходят в рейд боевыми дюжинами, или кратными им числами, но даже пара таких тварей способна укрошить не один десяток бойцов.

Рамс выхватил из-за сапога, незаметный прежде нож, широкое, короткое лезвие слабо блеснуло на солнце. Хорт гроблины, размахивая секирами, разбегались полукругом, и он рисковал оказаться в центре.

Мужчина дёрнул за верёвку, испуганные рабыни никак не отреагировали, застыв приятными для глаз столбиками. Сноровисто замелькал нож, освобождая их от пут.

– Бегите! Бегите дуры! Прочь!

Рамс обнажил меч и нехорошо ухмыльнулся. В детстве ему приходилось встречаться с Хорт гроблинами в пограничье. Тогда из всей деревни чудом уцелел лишь он один. Маленький, вечно хныкающий пацан вырос, окреп и возмужал, благодаря заботам служилых людей, и бил гроблинов вместе со всеми.

Время летело быстро, хотелось чего-то нового. Рамс совратил дочку начальника стражи, был нещадно бит, бежал, долго скитался и наконец, осел здесь в замке, верой и правдой служа сеньору.

Хорты приблизились, Рамс оказался прав, полная дюжина. Засвистели в сумерках стрелы, вскрики рабынь отмечали попадания. Три Хорт гроблина застыли перед ним, остальные, не снижая темпа, пронесли мимо.

Хорты не берут пленных, но любят варить человечье мясо. Рамс ждал, с мечём в одной руке и ножом в другой, и лучше кого бы то ни было он понимал, – шансов остаться в живых нет.

– Господи, предвышний, даруй мне лёгкую смерть.

Он не зря просил, мужчина с седыми от времени волосами. Хорты любили пытать, долго, мучительно и больно, так больно, что многие умирали, захлебнувшись в собственном крике. Настолько больно, что некоторые сходили с ума.

Рамс вовсе не хотел умирать, но знал, жить уже не получится. Он понимал, бежать и драться бесполезно, человеку с мечём нечего противопоставить Хорт гроблину с секирой. Рамс чуть согнул ноги в коленях, принимая боевую стойку, зажал нож в зубах и сжал меч двумя руками. Свист секиры не застал его врасплох, коротко звякнула сталь.

* * *

Хорт гроблины ушли, нисколько не сгибаясь под тяжестью ноши, и было их на одного меньше, но на истоптанной грубыми сапогами траве, лежали восемь женских голов и одно мужское искромсанное тело.

Стемнело, ничто больше не нарушало сумеречную тишину лесной опушки, лишь где-то неподалёку продолжали перекликаться пугливые сойки. Прошло совсем мало времени, и тёмная как вороново крыло ночь навалилась и придавила своей тушей остатки уходящего дня.

* * *

Кровавый край выпавшегося за далёким горизонтом солнца, осветил причудливый замок. Сверкающие медной черепицей башни и главные строения, мощную, в пять шагов толщины высокую каменную стену, и двухстворчатые покрытые причудливой вязью ворота, широкий мост, отразившиеся во рву с водой.

Замок жил своей, понятной лишь ему и сеньору жизнью. Кухтали суетливые пёстрые куры, исправно откладывая яйца, звенели пустыми ведрами дородные доярки. Сеньор ещё спал.

Вскоре он потрёт по привычке глаза, зажмурится от ярких солнечных лучей и привычно легко вскочит с широкой кровати. Ирон привык вставать рано, конечно не настолько, как всё остальное быдло, но гораздо раньше, чем привыкли многие знатные господа.

Сеньор встал, и кто-то должен был решиться. Хозяина уважали и побаивались, хоть он и редко давал повод, был строг, но справедлив, никогда не наказывал по пустякам, но плохая весть, всё равно остаётся плохой.

Сеньор Ирон не был аскетом, слыл гурманом, но не пьяницей, игроком и бабником, и никогда не терял голову. Боец. Да. Вор и убийца? Конечно. Маг? Разве что чуточку, но он упорно учится, постигая азы мастерства.

– Венетта, иди ты.

– Да что Вы, дядька Жид, чай в вечер у него была!

Девка зарделась как алая роза, и потупила глаза, часто задышав полной грудью.

– Дурища, я не об том. Рамс не вернулся.

– И чё?

– Сеньору доложить надо, проснулся поди.

Слуги препирались лишь для порядку, Жид не боялся идти с докладом, просто тянул время, набираясь храбрости и подтрунивая над девкой.

Старый мажордом прокашлялся, огладил кафтан, поковырял в носу и постучал в дверь спальни.

– Да.

Он вошёл, как всегда, согнув спину в низком поклоне и шаркая по полу ногами.

– Господин барон, Рамс не вернулся из города.

Слуги, иногда назойливые, заботливые и страстные, заменимые, словно винтики большого механизма, но почти всегда необходимые в хозяйстве как вода, пища и воздух, необходимые, когда ты рождён сеньором.

Ирон знал, что-то случилось, Рамс редко опаздывал. Толковый слуга, готовый отдать за господина жизнь, в меру честный, не способный на подлость и трусость. Хороший человек, как и все мы, Ирон не держал других слуг, ему верили, боялись и любили.

Сеньор Ирон, владелец родового замка, небольших лесных угодий и обширных полей. Пятый сын, богатых родителей, он не был рождён с серебряной ложкой во рту, но время уходит. Четверо были убиты один за другим, умерли не в силах вынести тяжести горя родители, не оставив Ирону ничего.

Долги, закладные, врагов и старый, наполовину развалившийся замок на холме. Это всё, что он получил. Ирон помнил, как двенадцатилетним мальчишкой на их могиле вытер слёзы и услышал, – пошёл прочь, щенок!

Что может пацан, в неполные двенадцать лет. Много. И он решил, что вернётся.

Ирону было восемнадцать, когда возмужавшим и окрепшим, он вернулся с ватагой таких же бесшабашных парней из города на развалины замка. Он не любил вспоминать прошедшие шесть лет. Но вспоминал.

Голод, драки, он учился у спятившего мага, калеки солдата, воров и убийц, постепенно создавая свою маленькую империю. В тринадцать он впервые убил, защищая свою жизнь, убил из-за засохшей корки, которую у него пытались отнять.

Прирождённый лидер, никогда не забывающий значение слова – честь, притягивал к себе людей словно магнит. Хороших, верных друзей, постепенно собирая костяк армии, той армии, что завоюет весь мир.

Ирон верил, когда-нибудь так будет. А пока, тридцать парней умеющих убивать, верить и любить, штурмовали замок. Он помнил....

Помнил, как отравили мать и убивали старших братьев, помнил боль и унижения. Он никогда и ничего не забывал.

– Иди Жид, прикажи седлать коня.

Сеньор Ирон в отличие от других окрестных сеньоров, был лёгок на подъём и не любил по утрам залёживаться в постели. Конечно, если находился в этой самой постели один.

Одевался он быстро, потому что сам, ел чуть медленнее по той же причине, но в целом успевал к тому времени, когда заканчивали седлать его любимую лошадь, гнедую красавицу Лизабетту.

Лошадь знала дорогу, её не требовалось понукать. Да и сеньор Ирон уже догадывался, что Рамс убит, его волновал лишь один вопрос – кто.

Знакомые с такого далёкого детства окрестности фамильного замка неспешно катились под уклон, Лизабетта лениво передвигала всеми четырьмя, давая хозяину время, время поразмыслить.

А подумать было о чём. Уже три года никто из соседей не рисковал нападать ни на земли, ни на людей, принадлежащих Ирону. Никто. Что-то менялось в мире, неуловимо и неопредёленно, но, похоже, внешнему спокойствию приходил конец.

Развалины родового гнезда подросли, к его замку прибавились один за другим ещё три, умножились и земельные угодья. Всё бы хорошо, да в воздухе пахло бедой. Вначале он старался не обращать внимания, но тревога росла, беда приближалась....

Он как никто другой чувствовал перемены, даже их лёгкое дуновение. Лизбетта шла привычной дорогой, скоро, уже скоро, сеньор ощутил запах смерти, запах и боль. Здесь.

Ирон ведал толк в магии, но этим ранним утром особого дара не требовалось. Был бой, короткий, слишком короткий и резня, голые рабыни совершенно не способны сопротивляться. Хорт гроблины. Сеньор Ирон был в ярости, я был в ярости, потому что Ирон я.

Рамс, ты опять всё попутал. Горько терять хороших слуг, горько, ещё горше оставлять их тела не отмщенными. Я никогда не позволял себе последнего. Несколько несложных пассов руками, простая распальцовка, ничего более, всё остальное в голове, мысли, слова, что тяжёлыми каплями срываются с языка.

– Встань мёртвый, встань и Расскажи, как было.

Я видел всю картину, бой, его глазами, теперь уже мёртвыми, остекленевшими глазами.

Меч Рамса коротко звякнул о секиру Хорт гроблина, резко ушёл вниз и рубанул нападавшего по ногам. Хорты сильны, ловки и быстры, но всегда чуточку туповаты. Рамс часто ловил их на этот простой приём, но всегда кто-то был рядом, кто-то способный отбить тяжёлую секиру в тот момент, когда она начинает падать на незащищённую голову.

Ему повезло, и хотя никого не было рядом, старина Рамс успел ускользнуть, вывернуться в последний момент и добить ненавистного Хорта. Одного, одного из троих. Затем пришла смерть.

Да Ирон видел, всё так и было. Рамс упал, поднял руку с обломком клинка, защищаясь, но не смог остановить смертоносный замах секиры, и Хорты рубили, долго, сверху вниз, пока не крошили всё его тело, смешав с травой и грязью.

Пол головы, фрагменты пальцев, не видно ни рук, ни ног, лишь окровавленное мясо пополам с костями. Магу достаточно и этого, любой знает, говорит не тело мертвеца, но душа.

– Говори Рамс.

– Я подвёл тебя господин.

– Пустое, знаю. Цвета, мне нужны цвета Хорта! Я должен знать, кому мстить.

– Чёрные господин, чёрные.

Ирон вздрогнул, ему не было страшно, разве что чуть-чуть, и он знал отныне клан чёрного Хорта его личный враг. Никогда ещё властитель замка не отказывался от мести. Был бы повод, а враги найдутся.

В двадцать пять легко принимать решения, и он понимал, – пора. Достаточно копить силы, пришло время действовать.

* * *

Двадцать пять это много, очень много, когда привык убивать и терять друзей. Двадцать пять лет боли, насмешек, ударов судьбы и крови.

Ирон помнил первый удар ножа. Лучше других понимал, как тяжело ощущать чужую кровь на своих руках. Вонзать острый сапожный нож, первое, что попало под руку, под рёбра, туда, где бешено колотится чужое сердце.

У меня будет империя, двести бойцов в стальных латах ждут приказа, три сотни лучников готовы натянуть свои луки, сотня скакунов бьёт копытами в стойлах. Пятьсот лёгких пехотинцев ждут команды идти на смерть за своего господина.

Я Ирон! Воин и немного маг, вор и убийца, моя честь и слово при мне, больше у меня ничего нет. Пора, слишком много вокруг завистников, слишком много врагов. Мои отряды ждут.

Мне больше нечего здесь делать, хватит обманывать себя словом – потом. Здесь и сейчас принимаются решения, здесь и сейчас. Если честно, к действию меня подтолкнула смерть Рамса, но Хорт гроблины подождут.

Это не цинизм, тот, кто подтолкнул меня к принятию решения, ещё долгое время останется не отмщённым. Рамс, верный слуга, неплохой боец, возможно, он был хорошим человеком.

Я отомщу, хорт гроблины пожалеют, что появились на этот свет. Отомщу, но позже. Сейчас их день, и завтра и через месяц, год... Моя армия ещё не рождена, но придёт и их время, грядёт мой день.

Обратный путь не был скорбным, я не жалел о смерти Рамса, моё сердце не ожесточилось, нет, но оно стало стальным, как тот нож, что я привык сжимать в ладони в память о безвозвратно ушедшем детстве.

Сеньор Ирон вернулся в замок, но вначале похоронил Рамса, копая землю, где ножом, где просто руками. С двенадцати лет я привык сам хоронить своих мёртвых.

* * *

По слугам не устраивают пышных поминок, о слугах не плачут. Я разучился плакать с двенадцати лет, тогда, когда перестал себя жалеть, заставила жизнь.

– Сеньор Ирон, кого посылать на рынок рабов?

Старый Жид, он не привык к переменам, но скоро в замке изменится всё. К Думху молодых рабынь, к Думху спокойную жизнь! Пора.

– Я поеду сам.

– Но сеньор!?

– Что Жид, что?

– Понимаю. Охрана? Скольких вы возьмёте с собой?

– Охрана? Пусть займутся делом, я еду один.

– Но сеньор Ирон, Хорты!?

– Меня они не тронут.

Жид больше не спорил, и не пытался сделать вид, что беспокоится за меня, отрабатывая своё (не малое) жалованье. Он знал, сеньор Ирон никогда не бросает слов на ветер, он с детства привык за них отвечать.

Да, дюжина или две Хорт гроблинов мне не помеха, я слабый маг, но хороший воин, а боевые дюжины хортов уходят в рейды без своих шаманов.

А без шаманов хорты не страшны даже такому слабому магу, к кому же я ждал и хотел драки. С дюжиной, может быть с двумя дюжинами хортов. Рамс был хорошим слугой.

– Седлай Лизабетту.

– Да господин.

Конечно да, моё слово в замке закон. Да и за пределами замка многие прислушиваются к мнению сеньора Ирона, жизнь заставила.

Рамс тратил на дорогу два дня и ночь, туда и обратно. Но сеньор на лошади легко успевает сделать все дела за день. Были бы деньги, сделки совершаются и скрепляются быстро, рабы меняют хозяев, хозяева рабов.

Сегодня мне не нужны новые женщины, сегодня Лизабетта несёт меня на другой рынок, рынок, где продают бойцов. Мне нужен костяк армии, армии, которая, не раздумывая, пойдёт за хозяином сквозь огонь и воду.

У меня есть хорошие бойцы, но их мало и это ещё не армия. К тому же присмирившие соседи мигом поднимут наглые головы, уйди я в поход и не оставь приличной охраны своим замкам, лесам и пастбищам.

Мне нужна армия для победы, армия, чтобы строить империю, мою империю.

Облом за обломом.

– Господин барон изволит смеяться? Частные железные монеты? Да на эти гроши даже десятка приличных бойцов не купить! Это Вам не шлюхи.

Я не отрубил его крикливую голову не потому, что на рынках бойцов свои, суровые законы и за смерть убитого торговца тут же попытаются отомстить. Нет, мне было плевать на их вороватое племя, просто мне нужны были бойцы, а убьёшь одного торгаша, и от тебя отвернутся другие.

Мне нужны бойцы, из смердов армию не создать. Эх Рамс, Рамс, рано ты ушёл. Хотя, как знать, может быть в самый раз. Пора расширять владения.

Я привык стискивать зубы, привык получать удары судьбы в неподходящий момент и привык добиваться своего. Что ж, всего лишь досадная задержка на длинном пути достижения цели.

Деньги. Одна маленькая проблема. Много путей решения. Здесь мне больше нечего делать, город слишком мал, но он, как все города любит деньги.

Стоп, город привлекает деньги, потоки денег, где город, там и деньги. Мне нужен город. Свой город! А где ещё остались вольные города? Как где? В Караганде! Да, именно там, далеко на юге и можно найти вольные города. Только там.

А пока..., трактир не хуже других, здесь примут мои монеты.

– Хозяин! Жрать и выпить!

Мне необходимо помянуть Рамса, он был хорошим слугой. Я ел и пил, крол и терпкое вино приятно дополняли друг друга.

– Хозяин!

Дюжина посетителей, не мешали мне предаваться грусти и раздумьям. Люди приходят в этот мир одинаково, люди уходят, по-разному. Кто-то раньше, кто-то гораздо раньше. Я не боюсь смерти.

– Господин.

Мне не был знаком этот маленький, уверенный в себе гном, но я ответил.

– Да?

– Сеньор, прошу покорно извинить, Ваше имя не Ирон?

И опять я ответил, хотя какое мне дело до гнома.

– Да, это я.

Он знал Рамса, мы выпили, затем ещё раз. Я заказал вина на всех, в больших глиняных кувшинах. Здесь многие его знали. Приходили новые люди, пили и уходили.

Затем кто-то сказал, что видел за городом хортов. Я попрощался и вскочил в седло. Глупо конечно, гном и другие кричали что-то вдогон.

Мне не удалось догнать их в этот вечер, но удалось взять след. Ночь, проведённая в преследовании, гулко отзывалась в голове и булькала в желудке.

Вырвало меня утром, в придорожных кустах, как раз там, где я остановился мочиться.

Поковыряв носком сапога чьи-то экскременты, я пришёл к выводу, что хорты не успели далеко уйти. Мой нос, приученный с детства чутко любую опасность, принюхался. Пахло свежестью раннего утра, блевотиной и кошачьими экскрементами.

Лизабетта притомилась за ночь, но ещё могла скакать рысью. Мы проносились мимо небольших рощиц, пересекали ручейки с прохладной родниковой водой. Наконец мне показалось, что я вижу знакомые высокие, горбатые силуэты.

Сеньор Ирон не привык отступать, не в его это правилах. Ещё мальчишкой я чётко уяснил для себя одно, хочешь выжить – бей первым.

Их было девять Хорт гроблинов, ровно девять, а я один. Проще сбежать, используя магию, хорты без шаманов просто грубая, смертоносная сила.

Сила. Рамс напрасно защищал моё добро, окажись я на его месте, – удрал. Смылся бы, бросив всё, даже не задумываясь, но я на своём, и он был на своём. Не потому ли я, как только Хорт гроблины скрылись за поворотом, припустил следом.

Всадник на хорошей лошади имеет преимущество перед пешим бойцом, но меня ждали. У хортов хороший нюх на опасность. Первой пала лошадь, сбив перед смертью одного не особо удачливого гроблина.

Восемь, восемь готовых к бою бойцов. Мне повезло, девятый не встал, моя верная кобыла намертво впечатала его в землю, оставив клеймо удачи на лбу. Эх, мне бы её подковы.

– Человек. Храбрый человек.

Мне нечего было сказать в оправдание, глупость не приобретается с годами, её получают в наследство. Сверкнула сталь. У человека нет, и не может быть шансов, в бою против восьми хортов, если только он не маг.

Я не был настоящим магом, но кое-что знал, да и жизнь на кривых улочках закалила меня. Похоже, это были те же самые хорты, от секир которых пал Рамс, похоже.

Но моё имя сеньор Ирон. Барон Ирон, сын своих родителей.

– Ну, твари! Кто самый смелый, в линию! Я намотаю Ваши кишки на свой клинок, и даже о моей кобыле будут слагать легенды. Налетайте трусы!

Я намеренно злил оставшихся, иногда Хорт гроблины всё ещё попадают на эту удочку. Сеньору Ирону сегодня повезло.

– Он мой!

Хорты грубы и хитры, но этот бой будет честным. Один на один, секира против меча. Я атаковал, едва увернулся от встречного удара и отступил под напором стального лезвия алчно рассекающего воздух.

Всё шло по плану. Я оступался, неуклюже парируя удары, а затем..., Хорт сам напоролся на мой меч. Всё произошло быстро и незаметно, гроблины купились.

– Я!

Удача. От оставшихся семи отделился только один. Второй поединок закончился быстрее, они не так тупы, чтобы попасться на этот трюк в третий раз подряд.

В тот момент, когда их товарищ рухнул на землю, пытаясь зажать двумя лапами располованное горло, гроблины переглянулись и сомкнули кольцо.

Я не был магом, без диплома ты никто, но знал, как поступить. Шесть хортов на одного, это по-прежнему слишком много. Много если не применить колдовство.

Я просто пустил им в глаза пыль, волшебную пыль, много пыли. Гроблины прекрасно ориентируются на запах и звук, не всегда полагаясь на зрение, но эта пыль иная, она действует на все органы чувств.

Пятеро оторопело тёрли глаза и трясли ушами, шумно втягивая воздух и лишь один вовремя упавший на землю, пытался атаковать.

Сегодня сеньор Ирон превзошёл самого себя. Никогда ещё раньше мне не удавалось перерезать столько хортов за раз. Просто никогда раньше я не встречал их столько.

Учиться, мне просто необходимо учиться ещё. У Хортов тоже есть сильные маги, и клинок не всегда поможет в бою.

Их цвета были чёрными....

Армия!

Нет денег – нет армии, это правило не подходит сеньору Ирону. Если нельзя купить и украсть, можно что-то придумать. И я придумал.

– Коты помойные! Сено! Солома! Пакля!

С раннего утра и до позднего вечера сеньор Ирон занимался муштрой. Крестьяне, набранные из моих деревень, абсолютно не желали понимать, что сено означает поворот налево, солома на право, а пакля кругом. Они тупили по чём зря и тарасились на стены и внутренний двор замка словно всё это видели впервые. Так и было.

Смердам закрыт вход в замок. Все товары, привозимые в оброк, либо для продажи, выгружаются перед воротами. Исключение составляют их девки. Ну, это совсем другой случай, право первой ночи ещё никто не отменял и я как любой другой сеньор им усиленно пользуюсь....

– Твари неблагодарные! Уроды! Тараканы тупые! Кругом!

Да, быдло оно и есть быдло. Сколько на них ни кричи, кроме кнута ни хрена не понимают.

– Ирон, Ирон! Где ты бродяга?!

Любой из слуг, осмелившийся так звать своего господина получил бы в ответ усекновение головы. Они не были слугами. Парни между двадцатью и тридцатью годами, прошедшие со мной бок обок, огонь, воду и сточные канавы, помогавшие отбить родовой замок имели право и не на такие вольности.

– А вот ты где, опять навозников драчишь!

– Э-э-эх....

Я только махнул рукой.

– Что соседи, не досаждают?

Я просто спросил, те, что могли и хотели досаждать, уже покинули этот жестокий мир. Остальные сидели смирно и мечтали лишь об одном, что бы мои сорвиголовы их не трогали.

– Соседи! Ха! Мы славно развлеклись этой ночью.

– Даа-а-а?!

Впрочем, я не мало ни сомневался в их словах, уж кто-кто, а Фонфан, Донкаход, Бильвуф, Рихардо и Мотыль умеют и любят покурлесить.

– Ну и...?

– Угадай, чем мы занимались прошлой ночью?!

Долго гадать не пришлось, Фонфан не выдержал и всё выложил первым. Мои пацаны хахалась и умирая от смеха с шутками и прибаутками, перебивая и дополняя друг друга, вылили на меня остальные подробности.

Повеселились они и впрямь на славу, осталось подождать последствий, кои они накликали своим весельем. Ну и ладно, не впервой с соседями из-за пустяков рубиться. Хотя, как посмотреть....

– Краской на замковой стене непристойные слова писать эт конечно прикольно. А за каким думхом Вы мудилы его супругу голой к телеге привязали?!

– Дык прикольно же!

– Да-а-а!? А сеньора ивовыми прутьями по заднице пороть, тоже прикольно!?

– Ну, дык орал много, когда дочку, того..., хотели.

– Так там ещё и дочка была!

Да, похоже, бои местного значения мне обеспечены. И хорошо ещё еж ли только с ним одним. Дворяне этакого не прощают, так что, вероятно, драться придётся со всеми ближайшими соседями.

– Да....

– А чё мы, он давно нарывался! Сеньор Годон сам напросился. Помнишь на ярмарке, он тебе не сразу поклонился.

– И что!? Мы же ровня, только его род древнее и кланяться посему первым должен не кто иной, как сеньор Ирон! А Вы чё там натворили?!

– Ну, подумаешь, Фонфан подножку поставил, а я сверху супа плеснул. Извинились же....

– Ага, я попросил и извинились. Придурки.

– А то!

– Годон говорите, что ж, на его землях рудники железные имеются, а нам сталь ох как понадобится.

– Чё война!

– Она родимая. Бильвуф остаётся с Фонфаном навозный сброд в армию превращать, а я в замок, к осаде готовиться.

– Дык мы не жравши ещё! За что!

– За всё! А жрать Вам привезут, не сумлевайтесь, щи да кашу.

– Блин, ну, чё ты взерепенился?!

– Да ничё! Хоть изредка башкой думать надо, я здесь решаю, когда и с кем драться!

– Так мы ж войну сеньору Годону не объявляли.

– Ага, блин, оладушки! А как ему расценить Ваши выходки!? Нет у Вас вариантов, у меня есть, а у Вас нет! Годон к королю махнёт, и Ваши пустые головы повиснут на пиках у парадных ворот его замка.

– Дык....

– Что дык? Меня такой вариант устроит, а Вас?

– Дык....

– Да ладно, сами знаете, не брошу.... Так что втравили Вы меня по полной.

– Мдя-я-я, чай не в первой....

– Вот именно, не в первой! Всё, кончай базар! Фонфан, Бильвуф, к вечеру что б этот сброд умел держать строй, и ходить в атаку с пикой наперевес. За все двести голов отвечаете.

Дел накопилось много, но они решались по ходу. Жид хоть и старый жид, да управляющий неплохой. Мало у меня слуг, мужиков мало, всё больше девок привечаю, от них пользы больше.

– Жид, считай, что можно быстро продать и сколько выйдет за этот месяц, еж ли не платить налог в казну.

Этот хват, Жид и с большой и с маленькой буквы деньги способен выжать из всего, даже из воздуха, нужно только заставить. А уж сеньор Ирон любого принудит крутиться, коль надо.

– Да мой сеньор!

То-то и оно, что да. Работа закипела, вскрывались старые арсеналы в глубоких подвалах, пересчитывались луки, мечи, копья, смазывалась маслом кожаная броня и натирались до блеска разношёрстные щиты.

Да.... Арсенал не велик, да и пёстр. Ну, ничего, если с Годоном повезёт, будет и железо и всё остальное, а еж ли нет...., так уже ничего не будет.

– Мотыль.

– Да Ирон.

– Ты ходок хоть и слаб против Фонфана, но к Годону, похоже, чаще навевывался?

– Да так и есть, чаще.

– Вот и хорошо, вот и умница..., составь-ка мне подробный план его замка, башни, ворота и всё прочее, солдат, сколько и вооружены чем. Да быстро!

– А план какого из двух? В старом то чаще Рихардо бывал с Фонфаном.

Вот те раз, соседи то не спят, как я проворонил что Годон новый замок отстроил....
Старею, хватку теряю.

– Обоих планы, обоих....

День догорал старым фитилём, искра солнца падала в закат, а дел оставалось не в про-
ворот.

Но я справился, почти....

– Смирно! Вольно!

Меня пытались слушаться, смутно понимая смысл приказов, но они старались.

– Фонфан этих на конюшню, пороть, вот того с наглой рожей ткни в зубы. Остальным
лечь – отжаться.

Мдя..., выбить бы из них покорность и страх – цены б не было. А крестьяне у меня
славные, сытые и сильные, потому что хозяин хороший.

Армия, вот о чём я мечтаю, армия, вот чего у меня нет. Смерды мои конечно широки
в плечах и не так забиты как соседские, но бойцы из них никакие. И делать из них солдат не
кому-нибудь, а мне.

Ребятки мои конечно постараются, им, если задачу поставить, в лепёшку разобьются, а
сделают. Что Бильфуф, что Фонфан бойцы хоть куда и приказа моего не нарушат. Вот только
смерды, какая из них армия....

Закат стремительно рухнул на голову, небо потемнело, и солнце стыдливо закрыло глаза.

– Я спать, а вы балбесы работать.

– Дык ёлы палы.

– Не дык, муштра перерыва не любит.

Ребята мои конечно раздолбаи редкосные, но меня слушают и выполняют приказы с дет-
ских лет. Почему? Да потому что я за них в ответе.

– Господин сеньор Ирон верховный главнокомандующий, все сто пятьдесят два бойца, –
он поморщился, – к военной компании готовы!

Докладывал, конечно, Фонфан, лишь он способен хохмить в любых ситуациях.

– Куда остальные делись?!

– Дык не годны ни на что, опять же естественная убыль....

– Что за убыль!

– Ну..., стенка на стенку, повоевали слегонца, – заметив как я изменился в лице доба-
вил, – похоронили всего троих, остальные оклемаются, живучие гады.

Слов не было, и потому я покрыл его матом сверху донизу, затем ещё раз. Друзья детства,
что с них взять, носить тяжело, а выбросить жалко, таких как эти..., новых то хрен найдёшь.
Вот и приходится мириться с проблемами, откупаться от одних и убивать других.

– Завтра их должно быть двести и эти двести должны уметь держать строй и не бросать
пики при появлении кавалерии.

– Опять ночь не спать....

Ничего, не поспят, так хоть лишний раз при деле будут, да и новых проблем не принесут.

* * *

Спать они, конечно, не спали и утром оба были на месте и все двести бойцов. Хотя,
какие из сиволапых бойцы, так недоразумение одно. И проблемы, несмотря на приказ, были,
новые....

– Сколько?!

– Отсев большой....

Я и без них знал, что за отсев. Старосты пяти деревень уже с утра толклись, робея и пыхтя, пред замковыми воротами, готовые подать челобитную по всей, установленной веками и лендлордами форме.

И этим плотить за убыль, опять же сбор урожая на носу, итак кучу народу от дел оторвали.

– Сколько?

– Две дюжины.

– Блин! Оладушки Вы мои! Своими руками задушу! Денег в казне и так с гулькину пи..., а Вы меня и вовсе по миру пустить хотите!

– Ну-у-у, так трусят они. Попробуй сам научить их пики не бросать, когда всадники скачут.

– Что!?

– Да полсотни всего, не-е-е-а, не наши, сосед одолжил, сеньор Легослав. Ох, весело было!

Мне было не весело. Двадцать четыре смерда, да вчерашние трое, хотя нет, за этих Жид скорей всего уже заплатил. Мдя, блин. Сосед наверняка за своих тоже немало запросил.

– Да нет, – словно читая мои мысли, ответил Фонфан, – кавалерия даром, ему то ж интересно было.

– И на том спасибо.

Ладно, две дюжины, по три систерция....

– Блин!

Мдя..., похоже, сегодня сеньор Ирон станет банкротом. Итак, победа или смерть, надеюсь, первое, и тогда железные карьеры сеньора Годона придутся как нельзя кстати.

– Поднимай остальных, живо!

Не знаю, как и назвать то эту банду из пяти верных парней..... Друзья? Собутыльники и завсегдатаи пирушек? Личная гвардия и охрана? Моя семья?

Да что там гадать, банда она и есть банда! Моя банда. Уж и не вспомнить сколько раз в далёком детстве мы спасали друг другу жизнь, дрались на смерть с другими, резали ножами всех, кто вставал на пути. Дети по своей природе максималисты.

Были дела и добрые и кровавые, но мы не ожесточились сердцем, не ушли в беспредел, не стали черствее душой. Мы, все шестеро, неисправимые романтики. Романтики с большой дороги.

Они не злые, моя семья и банда, просто у них было трудное детство....

– Эээ-э-э-х, банда. Дело предстоит не лёгкое, но знакомое, замок брать будем..., оба.

Парни, конечно, загомонили, радуясь, да только мне было не до их веселья. Сеньор Годон крепкий орешек и скovyрнуть его с насиженного места будет не просто. И последствия....

Король, конечно, разгневется, половину доходов с рудников, как ни крути, придётся отдать. Да и окрестным дворянам придётся глотки заткнуть, кому золотом, а кому.... И хорошо, если только этим дело и закончится.

* * *

– На штурм! На штурм засранцы! Выпорю, всех в колодки, удавлю!

Надо ли говорить, что пятая репетиция проваливалась на глазах. А война не спектакль.... Быдло не хотело лезть на стены, видя там вооружённых деревянными мечами людей, кидающих вниз небольших размеров камни.

– Уроды! Ссыкло! Чмо! Коты помойные!

Пинки, зуботычины и порка не помогала. Быдло не желало лезть на стены и погибать почём зря.

– Козлы! В колодках сгною!

А если не почём зря? Армия сильна не только волей, армия сильна целью, целью, объединяющей всех и каждого от полководца, до командира, от командира, до бойца. Цель? О чём может мечтать холоп?

О деньгах, о славе, о сытом брюхе? О воле?

– Воля!

Заманчивая, желанная цель....

– Бильвуф, собери толпу, живо!

И он собрал, сгоняя всех горе вояк в кучу, пинками и зуботычинами. Буквально через пять ударов сердца, всё стадо было собрано в более или менее приличную кучу, и изредка всхлипывая, растирало кровавые сопли.

– Все знают кто я такой!?

Быдло знало, слышались молчаливые кивки, покашливание в ладоши и перешёптывание.

– Я слов на ветер не бросаю.

Молчание стало оживлённое, слышались редкие затаённые реплики.

– Слушайте и не говорите, что не слышали! Я сеньор Ирон барон верхнего Ильса говорю Вам.

Я на мгновение задумался, воля? К чему могут привести мои сегодняшние слова, впрочем, прецеденты были, и раб может стать свободным, и крестьяне иногда устаиваются такой чести. Но масштаб....

– Мне нужны не овцы и бараны, мне нужны герои. Каждой семье – полновесный серебряный систерций, каждому после десяти лет доблестной службы – воля!

Орали они долго, да и как не орать, не часто такое услышишь. Да и как не верить барону, барон сказал – барон сделал. А кто не хочет воли? Кто? Все хотят, глупая птаха в золотой клетке и та мечтает о воли.

И дело пошло. Полезли мои смиренные крестьяне на стены, ещё как полезли, неумело карабкаясь, отталкивая друг друга, стараясь забраться первыми.

– Бильвуф, отбери самых сильных и ловких, тренируй отдельно, первыми полезут.

– Рихардо, остальных в строй, разбить на пары и пусть мечи из рук до заката не выпускают.

Неплохо, сеньор Ирон неплохо, дело с мёртвой точки сдвинулось. Завтра повторим штурм, много-много раз. А там и поглядим, умеют ли крестьяне брать замки.

Смерды брать замки умели, ну, во всяком случае мой, на генеральной репетиции. Сильные мужики, привыкшие к тяжёлому труду, карабкались словно муравьи, быстро и споро на стены, а затем приседали в испуге, видя блестящую сталь клинков моей стражи.

– Мечи из ножен! Встать!

Мдя, порубят их всех, дружинники барона Годона, порубят и мясо, глумясь, мне пришлют. Бойцы конечно и у меня есть не хуже, лучше даже, но маловато их будет для захвата замка, двух....

– Бильвуф! Какие будут предложения?

– Дык, сбросить парочку со стены, а остальных выпороть, глядишь пойдёт дело.

Мдя, всё бы им сбросить да выпороть. Да и что поделать, если детство тяжёлое досталось, вместо игрушек ножи вострые, вместо родительских поцелуев, тумаки да шишки каждый день.

– Сбросить..., а воевать с кем буду. Выпороть пожалуй.

– Ирон опять старосты к тебе прут, прогнать и выпороть?

– Да!

И так дело не клеится, ещё эти надоедают со своими жалобами.

– А что хотели?

– Да сказывают, лихие людишки какие-то в лесах шалят.

– А, пустое всё, гони.

Скоро на Годона войной идти, а тут разбойники какие забрели, совсем нух потеряли. С замками разберусь, всех на осинах перевешаю. Стоп.

– Стоять! Старост ко мне живо!

Вот же оно, дело как раз для проверки моего воинства, под ногами лежит, только подобрать. Разбойники они не чета дружинникам баронским, как раз смердам по плечу, если я да Бильвуф сзади подгонять будем.

– Слушай меня!

Вытряс я всё из старост, сколько, где и зачем. С собой взяли сотню, не так что бы боялись, просто, что бы лихие людишки обратно к соседям не ушли. А ведь боялись раньше, когда я лично по лесам да деревням своим скакал, никого пришлых не было. Все стороной мои земли обходили, знали потому что чуть что, на кол.

Да прошли те времена, обленился синьор Ирон, да и забот прибавилось новых, вот и лезут всякие. Ничего, раньше охоту соваться отбивал и сейчас всех на осинах перевешаю.

Бильвуф лично отобрал лучших из худших, если живы останутся, десятниками назначу. Дорога до дальнего леса заняла не день и не два, добрались только на третий. Много земель у сеньора Ирона, да видать не достаточно, раз армии нет, и денег всегда не хватает.

Засаду лично ставил, кольцо Бильвуф с Фонфаном организовали, да Мотыль где то, как всегда, рядом мотылялся, сам по себе. Накрыли разбойничков, постарались мои смерды, да и как не стараться сам сеньор с ними, в первых рядах, атамана нашёл, за бороду ухватил и плашмя мечом по башке дал.

– Урааааа! Слава сеньору!

Прогремел нестройных хор и затерялся в кривых верхушках сосен. Возвращались весело, с песнями, праздновали недолго. Отнятое у разбойников, вопреки сложившимся правилам не делили, все понимали – мне нужнее.

– Бильвуф, всё продать, где хочешь и как хочешь, у Жида ещё денег возьми (если даст), приведи мне к завтраму хотя бы полсотни наёмников.

Старый друг не подвёл, набрал ровно полсотни, треть с синяками под глазом, но все с оружием и на ногах стоят. Гундосят что-то себе под нос, но вслух говорить видно что бояться. Да и то, знал я кого посылать.

– Выступаем завтра в полночь. В начале компании берём старый замок сеньора Годона, там закрепляемся, пьём и готовимся к новому штурму. Наёмники впереди, первому поднышавшему на стену золотой от меня лично и девку на выбор.

Вроде убедил, смерды тупо смотрят на мой рот, пытаюсь понять общий смысл, а все пятьдесят наёмников глядят исподлобья, видать сильно сомневаются.

– Всё понятно? Вопросов нет?

Вопросы вероятнее всего были, но оглядев меня с Бильвуфом и двести рыл смердов, решили их не задавать. Оно и понятно, сдохнуть здесь и сейчас мало кому улыбалось, а там может и повезёт кому, опять же двадцать процентов от добычи. А замок это вам не деревня захудалая.

Вышли ночью, сбежать никому не дали, пришли засветло. Да уж, замок не деревня...

Огромн, каменные стены, пять башен, и что Годону в старом не жилось, ладно хоть ров давно осокой зарос, а потому мелко там. Команд не отдавали, десятники споро прислонили лестницы, обмотанные тряпками, к стенам.

Наёмники ещё раз хмуро глянув на стоящих за их спинами смердов, быстро и почти бесшумно стали карабкаться по стенам. Замок сладко спал, словно портовая шлюха, широко раздвинув ноги, бери – не хочу.

И мы взяли, взяли, несмотря на камни, полетевшие на голову, поздно, половина наёмников уже наверху, звенит сталь, первые крики раненых и полёт вниз головой, со стен на грешную землю.

– Брать башни! Бильвуф, очистить двор, в часовне никого не трогать.

И завертелось, понеслось. Наёмники честно отработывали свой хлеб, да и куда уже деваться со двора замка, или победить или лечь замертво. Смерды увидав столько крови и стали вначале оробели, но подгоняемые бравыми десятниками, ринулись зачищать башни.

Всех пленных согнали во двор к часовне. Как и обещал, первый поднявшийся на стену получил золотой, (единственный, бережно хранимый до сего в кармане куртки) и девку.

– Молодцы орлы! Тащи всё добро во двор, выкатывай из погребов бочки, делить будем!

Подели всё честь по чести, полста наёмников (читай тридцать восемь) радостно скалились распахивая по сумам добро. И потому мой вопрос застал их врасплох.

– Ну, что все готовы второй замок брать?

Первыми заорали смерды, опьяневшие от вина и пролитой крови, да и десятники своё дело знали, а потому рёв получился дружный. Наёмники оторопели на мгновение и подхватили ор, чуть позже они впали в ступор, догадавшись что их опять провели.

– Бильвуф, Донкаход, Рихардо и Мотыль благодарю за усердие! А теперь родные Вы мои, сдайте все деньги Бильвуфу, и он в город поедет бойцов нанимать.

– Аааа?! Ээээ?! А как же?!

– А так же! Мы то с Вами одна семья, а впереди второй замок.... Бильвуф и мою долю возьми.

Пили и гуляли полночи, потом я всех спать уложил, кого ласковым словом, кого затрепачиной, а кому и плетью досталось.

Бильвуф не подвёл, привёл, кого попало и кого смог, бомжи не бомжи, разбойники или пьянь всякая, ладно хоть половина с оружием. Но не таков был синьор Ирон что бы отступить, надо взять второй замок, значит возьмём. У нас ведь как в королевстве, кто на кого поссал тот того и вассал.

В общем, смогу я помочиться на сеньора Годона, значить и быть ему моим вассалом. А что бы помочиться надо вначале второй замок взять....

Пьяные, весёлые и шальные, смерды, наёмники и прочий сброд, длинной рыгающей и поющей лентой, двигались к замку сеньора Годона. Отстающих подгоняли Бильвуф и Мотыль, остальные сотоварищи болтались где-то в середине этой грязной гусеницы.

Хмурился мрачными тучами ранний рассвет.

– Видать к дождю.

Ливень протрезвил и охладил пыл многих, но таран уже бил в ворота, а лестницы стояли у стен. Отступать не стали, пытаясь взять стены скорее по привычке, чем на энтузиазме. Мокрые смерды, привыкшие работать в поле при любой погоде, не обратили на потоки воды и чавкающую грязь под ногами никакого внимания. Наёмники старались не попадаться на глаза Бильвуфу, после того как одного из них, он сломал об колено и бросил в ворота замка, а потому лезли на стены. Прочий, наскоро собранный сброд, просто делал как все.

Осада шла, замок просыпался, ощеривался стрелами и копьями, но кровь только возбуждала и придавала остроты, нашей полупьяной, полупротрезвевшей массе.

– Ох не многие вернутся назад, не многие.

Таран, пробил брешь в воротах, и сразу стало веселее. Все разом побежали в атаку, потому что замок обещал выпивку, тепло и отдых. Обещал, но не дал. За воротами сомкнув щиты стояли мечники, второй ряд грозно сверкал наконечниками копий.

– Итить....

– Всё что ли? Может завтра придём?

Наёмники слышавшие излюбленную фразу Мотыля, воспряли духом и приготовились отступить.

– Фигушки Вам. Бильвуф, ломай!

Вот за что я его люблю, так это за мощь и удаль, силушкой его никто не обидел ни бог ни дьявол, крепкий парнище удался и не пугливый. Бильвуф огляделся, присмотрел запорную

перекладину от ворот, крякнул поднимая, и ринулся вперёд с громким рёвом (я учил, что бы страшнее было). Мечники дрогнули, но не отступили, потому как копейщики, стоящие позади них испугались чуть меньше и не дали им такой возможности.

Впрочем, не повезло и тем и другим. Бильвуф с разгона проломил строй и развалил его надвое. В образовавшийся прорыв хлынули опомнившиеся наёмники, мои смерды и прочий сброд.

Потом нам ударили в спину, с двух приворотных башен засвистели стрелы и глухо лязгнула упавшая решётка ворот.

– К стенам! Мотыль, Рихардо, взять башни! Бильвуф только вперёд!

Падали мои смерды, падали и умирали. Наёмники бежавшие за Бильвуфом даже не оглянулись, им повезло больше, да и сброд набранный позавчера, мало пострадал, успев прижаться к башням.

Мотыль не подвёл, лучники вскоре полетели вниз, и лишь стрелы продолжали лететь из узких бойниц, поражая гридней сеньора Годона. Когда солнце показалось во внутреннем дворе замка, нам удалось полностью занять все его башни по внешней стене.

– А замок и впрямь хорош.

Полюбовавшись содеянным я объявил перерыв на обед. Моя маленькая, но боевая армия, принялась жрать колбасы из погребов сеньора Годона, запивая их дорогим вином и неустанно шупая дворовых девок. Я медленно отрезал кинжалом небольшие кусочки от око-рока и отправлял их в рот.

– Погода на редкость дивная нынче, вы не находите?

Сеньор Годон, беспрестанно выглядывавший из башни, но до сего времени не проронивший не звука, ответил.

– Вы правы сеньор Ирон, и правду хорошая, а Вас скоро повесят.

– Да что Вы? А ну, как король узнает, что Вы доходы с рудника утаивали?

– А.... Ничего к вечеру он лично прибудет с гвардией и разберётся.

– Ну, ну, к вечеру мне думается замок мой будет.

Вот так и общались словно старые знакомые, Впрочем, так и было. А король, пусть его приезжает, я с ним всё равно первый переговорить успею.

– Хватит жрать свиньи ненасытные! Слышали что многоуважаемый сеньор сказал. Не возьмём его замок всех повесят.

Похоже меня поняли все, а сеньор Годон прикусил язык поняв что сболтнул лишнего. Наёмники побросали кувшины с вином, смерды сжали в мозолистых руках весь металлолом и даже пьяный сброд набранный второпях, заорал и бросился в атаку.

– На приступ! Порвём их!

И порвали, в аккурат в полдень. Запихали сеньора Годона и его домочадцев в погреб, и принялись стаскивать сундуки с барахлом на площадь.

– Мотыль, Донкаход, Рихардо, Бильвуф ко мне. Остальным не стоять, тащим всё вниз и наверх (это смотря откуда), узнаю если утаили что и припрятали – повешу на воротах.

Собрав своих верных соратников в небольшой круг я зашептал, – бумаги ищите, записи по рудникам, писцов потрясите, мне компромат на сеньора Годона нужен и деньги конечно, лучше золото.

– Ворота закрыть, живее!

И постарались мои ребятки, потрясли и перетрясли. И нашли и бумаги какие надо и золото и монету, самым сеньором Годоном чеканенную. Все сеньоры конечно чеканят, но только железную, так король приказал, а вот у него кое что из серебра и злато нашлось и станочки чеканные. Теперь правда на моей стороне будет, король он не только золото, но и аргументы любит. А я ему и то и другое.

– Всем отдыхать, привести себя в порядок, девок не мять по углам, больше не пить. Бильвуф проследи, что б исполнили. Мотыль, Рихардо, смердов отвести за стену, приبلудных туда же. Донкаход, наёмников привести в приличный вид, пусть щиты разберут бесхозные и доспехи одинаковые оденут. Ничего что в крови, ототрут.

Мне банда разбойников перед светлым взором короля ни к чему. Всё должно быть прилично и респектабельно. Один сеньор, поругался с другим, всё честь по чести, прилично. А поругался хороший сеньор (это я) с плохом (это он), потому что за честь короны и короля радел, что бы доходы никто от казны не утаивал и не мошенничал.

– А, вот ещё что, тащите что из явств попримичнее и вино не забудьте, столы в главной зале накрыть, короля как никак ждём.

И дождались таки, в аккурат к вечеру, как и обещал сеньор Годон, мною лично пленённый (что бы никаких нареканий от короля не было), и мною лично посаженный в отдельный погреб.

И поговорили мы с королём, с глазу на глаз ибо только высокородные дворяне, не раз и не два доказавшие свою верность короне, удостоины такой привелегии.

– Сукин ты сын, да как ты посмел!?

– Никак нет Ваше высочество, моя мать была высокородной дворянкой, Вашей троюродной тётей кстати.

– А, ну, да, припоминаю. Но как ты мог, не по этикету брать два замка подряд, без нашего милостливого соблагволения.

– Дык, Ваше высочество, налицо была государственная измена и я как верноподданный, счёл своим долгом вмешаться.

– Измена говоришь? Не перегибай палку сеньор Ирон, сеньор Годон, такой же верноподданный короны как и ты. Оба Вы хороши короче. Так что возвращай ему оба замка, проси прощения, и я обратно поеду.

– Несомненно Ваше высочество, но только я доходов от королевской козны не утаивал (ну, как все дворяне в общем), и фальшивых денег не чеканил.

– А он утаивал?

В глазах короля, до сих пор лениво ведшего светскую беседу, наконец то возник неподдельный интерес.

– И много утаивал и чеканил?

Лицо короля побагровело, впрочем только слегка, и задумчивый вид сменился гримасой недовольства и нетерпения.

– Выкладывай.

– Мотыль бумаги и печатные формы!

И я выложил и расписал как надо, да так расписал и подмазал, что король обещал мне оставить оба замка, рудники и прочие земли сеньора Годона в вечное и неделимое пользование. Впрочем, так скоро и просто дела у нас в королевстве не делаются, должен же он выслушать вторую сторону. Так что я не сомневался, контрибуцию мне сильно урежут.

– Ну, пусть сеньор Годон придёт, а ты погуляй пока....

О чём они общались, не могу сказать, но крики были слышны явно чаще, чем во время нашего разговора. Да и сама беседа протекала быстрее. Крики смолкли, мольбы были почти не слышны, но я не сомневался, что сеньор Годон слёзно молит короля о снисхождении, упирая на прошлые заслуги. Пусть умоляет, лишь бы многого не выпросил.

Наконец король свернул аудиенцию и вся знать, что прибыла с ним, я, сеньор Годон, бледный, но достаточно бодрый, отправились за стол. Король произнёс тост, дворяне произносили тосты, пили, закусывали, затем, как положено по этикету король начал речь.

Я опускаю витиеватые и пышные фразы, а так же прочую пургу, про незыблемость и могущество короны, привожу только заключительную, самую короткую часть речи.

– ...а посему, мы наше Величество, даём слово, что не далее как перед праздником освещения (читай через десять дней), пожалуем сеньора Ирона за заслуги перед короной (читай за лесть и взятки), титулом графа и оставим ему во владение, старый замок сеньора Годона, прилегающие к нему угодья и (тут король слегка замялся), половину пая на владение железным и серебряным (вот это новость и плохая и хорошая сразу) рудниками. Хау, я всё сказал.

В целом неплохо, жаль, что железа только половину, зато неожиданно серебро само приплыло в руки. Кто бы знал, что сеньор Годон такой зажиточный дворянин, давно бы напали.

Выпили ещё по одной и король стал собираться, а когда ещё возвращаться в резиденцию как не поздним утром. Да и мне было пора, а посему, пожав друг другу руки, мы с сеньором Годоном поспешили расстаться.

Пришёл намеченный срок, и мы все собрались во дворце. Добрался я хорошо, хотя не без приключений, пара покушений, сломанное колесо у кареты и одна павшая лошадь. Но разве сеньор Ирон обращал внимание на мелочи? Да никогда!

Король, как и полагается королю, давшему слово при дворянах, не обманул, пытался, конечно, но я ещё денег дал и всё уладил.

– Отныне и навеки, нарекаю сеньора Ирона графом де ля Круз!

Король слегка поморщился, но нашел в себе желание закончить речь.

– Да будет так.

А куда бы он делся то, столько земель и все подо мной, опять же доход с рудников, лес, да и прочее всё. Я поднялся ещё на одну ступень выше, ближе к своей детской мечте.

Империя..., но, короля трогать нельзя, негоже, да и дворяне уж тогда точно не поймут. А значит идти мне на восток? Хорты, их берег, вот моя цель.

Тростник на ветру....

Она стояла одна, тоненький стебелёк бамбука среди голодных до женского тела, грязных и в дым пьяных мужиков. Наёмники с побережья. Сеньор Ирон не раз встречал таких и не два скрещивал с ними клинки.

Но не сегодня. Сегодня не стоит ввязываться в драку, посох мага не лучшее оружие против кривых и широких сабель, а хламида послушника не заменит кольчугу. Ирон привык учиться, но три дня тому назад закончился срок его служения школе стихий и он торопился домой в родовой замок.

– Ха, какая цаца!

Интуиция редко подводила Ирона, но он всё ещё недоумевал, за каким думхом она завела его в эту непристойную придорожную забегаловку. Ради худосочной девки? Это вряд ли, я сам выбираю себе баб.

– Грым, зырь какая тощя!

Тростинка молчала, жёстко сжав губы, и лишь слегка покачивалась, словно на ветру. Не моё дело, дюжина сабель..., многовато, даже для сеньора Ирона.

– Ха, Грым, давай оприходуем!

– Не-а-а, порвём пожалуй.

– Да и хрен с ней, на раз то чай хватит!

– А-а-а, вали её на пол по быстрому.

И вот уже две дюжины рук потянулись со всех сторон к хрупкому девичьему тельцу. Но, похоже, барышня не разделяла их стремлений. Коротким росчерком сверкнула голубых кровей сталь. Капнула кровь.

– Э-э-э-э! Да сучка огрызается!

Сталь воткнулась в кольчугу по рукоять, наёмник охнул, осев на пол.

– Стерва! Грым, падла! Не смей подыхать!

Странно, откуда у простой девчонки такой прекрасный стилет? Либо она совсем не проста, либо сложнее чем кажется.

– У-у-у-у, сука-а-а! Зажимай её в кольцо! На куски крошим!

Попалась, мелькнула мысль. Так ли мне необходимы её проблемы? Нет.

– Стоять! Медленно убивать будем суку, по кусочку отрезать!

Одиннадцать здоровых мужиков оцетинились железом, больше не помышляя о сексе. Уроды. И лишь хрупкая фигурка в плотном кольце потных рож, вызывала уважение.

– Что ж, уже не дюжина.

Ирон не редко говорил вслух. Придётся попотеть.

– Эй Вы, отребье!

– Ха маг!

Я осмотрел себя критическим взглядом и пришёл к выводу, что да, но не так что б очень.

– Отвали!

Конечно, все испытывают страх перед магами, наёмники с побережья не исключение. Но, не в питейных и обжорных заведениях. Указы королей и императоров, пусть и покойных, продолжают выполняться неукоснительно. Магия здесь не действует.

И я знаю об этом. Знаю и всё одно лезу на рожон, сам не ведаю почему. Глупо? Да....

– Оставьте девчонку.

– Чё?! Маг ты не понял!? Мы во двор не пойдём, здесь ты уроем!

Ну, даже здесь урять меня будет трудновато, и хотя послушники магических школ не носят мечей, а посох немного жаль, драться придётся. Нравится она мне чем-то. Чем? Нравится!

А началось всё в настолько древние времена, что не многие уж и помнят. Так вот, король либо император пострадал от магии в обжорном доме. С тех пор никто из магов не пытается применять чародейство в их стенах. И это не просто слова, больно..., невозможно больно это сделать.

В подполе, глубоко под землёй в каждой питейной обжорке скрыт кристалл боли. Он кара и бич для любого мага. Он боль и запрет на магию. В доме, где есть кристалл боли, ни один маг не решится колдовать, будь он послушник или магистр.

Чем сильнее твоя магия, тем сильнее его удар, говорили можно умереть, сойти с ума или просто навсегда утратиться применяя магию. Так было, и я не хочу так.

И всё же она чертовски хороша, тонкая, словно натянутая струна измученной души, прелестная, словно масенькая пичужка на ветке. За такую стоит подраться.

И я подрался, или я не сеньор Ирон!? Мелькнул оглоблей посох по широкой дуге, жалостно и смачно хрустнула лобная кость, серые брызги разлетелись далеко вокруг. Один есть.

Посох повторил заход, выбивая челюсти, ломая руки и перешибая ноги.

– Га-а-ад!

– Ага!

У меня хватало времени пошутить, драка складывалась, наёмники не ожидали такой жестокости от послушника мага. О-о-о, у сеньора Ирона много талантов.

Жадной осой просвистела калёная сталь, находя цель. Послушники магических школ не носят мечей, но пара ножей за голенищем сапог..., это у меня с детства.

– Аа-а-а!

– На-а!

Вновь хрястнул, проминаясь, череп, посох в умелых руках вполне приличное оружие.

– Сс-су-ука!

Девочка тоже не теряла времени даром, к её ногам рухнул уже третий незадачливый поклонник.

Я вновь раскрутил посох и, наконец, сталь его окантовки встретила достойный отпор. Четверо. Эти поматёрее остальных будут.

– Прижмите суку к лестнице, я разберусь с магом.

Он мог. Здоровенный бугай, закованный по горло в броню, наёмники редко носят сплошные доспехи. Этот носил. Мне стало жалко посох, оставался последний нож, острый словно жало Оскиры.

Собственно он и был из него сделан. Мой талисман, редко кому удаётся убить Оскиру.

– Ну что маг, поговорим?

– Отчего же не поговорить, лишь бы слова не разошлись с делом.

Слова не разошлись. Посох несколько раз тупо ткнулся в броню, затем затих, успокоившись. Бугай стоял и смотрел мне в лицо, редко среди наёмников встретишь такого славного и умелого бойца.

Тростинке то ж изменила фортуна, стилет перестал быть грозным оружием. Зажатая в угол она затравленно оглядывалась.

– Ну что маг?

– Ничья?

– Ха, ты самоуверен, ну, да ладно. Сделка?

– Сделка..., но не иначе как к обоюдному удовольствию сторон.

Я задумался, наёмникам с побережья в полной боевой экипировке абсолютно нечего делать в этих местах. Но они здесь и это факт.

Можно полоснуть вожака по горлу, затем прорваться, либо, если повезёт, убить оставшихся троих. Ей не жить при любом раскладе.

– О чём разговор?

Бугай ощерился.

– Эт другой базар.

– Если в цене сойдёмся.

– Сойдёмся.

– Слово?

Я выдержал паузу, лишь посвящённый знал что ответить.

– Слово. Когда слова становятся просто словами – умирает любовь.

Он одобрительно хмыкнул. Странная фраза, но я уже имел с ними дела и не мог ошибиться.

– Эй ты, сопливая! Спрячь стилет, и топай к своему защитнику, мы договорились.

Мы действительно договорились.

Чудная компания собралась за одним столом. Бугай с ног до головы в железе, три суровых, бородатых варвара в кольчугах, я в жалкой хламиде послушника и она – ангел, масенький ангел с тёмными крыльями и крепкими кулачками.

– Разносящий! Пойла на всех! И жрачки. Армен платит!

Я лишь кивнул в знак благодарности. Он потерял восьмерых, но не скорбит и не алчет мести, для таких дело прежде всего.

– У нас контракт, бойцов как видишь, уже не хватает. Дичь жирная, а ты парень не промах, да и девка в схватке сгодится.

Сеньор Ирон кивнул, не дело благородному сеньору спешить с расспросами. Любопытство для дураков. А я таковым себя не считал.

– Звать то как?

Она провела тоненькой, словно детской ладошкой по непослушным волосам и застенчиво улыбнулась.

– Угадай.

Словно не было этой безумной драки, луж крови и мёртвых тел на полу. Тела были, кровь и мозги, всего хватало, но она была выше всего этого, выше и чище всей грязи, что доводилось мне встречать.

– Правильная девочка.

Сеньор Ирон кое-что знал об эльфах. Знал и потому рискнул назвать её имя.

– Покажи ладонь милая.

Рука развернулась, обнажая хитросплетение линий папиллярных узоров и мелких точек, нанесённых в детстве.

– О-о-ка... Саана. Так?

Она, казалось, нисколько не удивилась, однако с изумлением посмотрела на свою ладонь.

– Ты умеешь читать?!

– А то!

Впрочем, мало кто умеет по-настоящему читать в нашем мире, особенно по эльфийски. Сеньор Ирон не умел, но разве мог я в этом признаться.

Мы сидели, пили и ели, я О-о-ка... Саана, Армен и трое его пацанов с бородами. Мясо, после рыбы, сухое Аранское, после белого Гумждрони. Первым, вытерев жирные руки и морду, о заботливо поднесённую разносящим тряпицу, заговорил Армен.

– Барон значит..., при деньгах, но это не главное, мне заплатили вперёд. Охрана хорошая, барон нет.

Ну, на слово сеньор Ирон уже давно никогда и никому не верит. Однако, на дело уже подрядился, пересдавать карты не в моих правилах, на месте разберёмся.

– Когда?

– Здесь рядом, сегодня.

– Хорошо, замётано.

– Я в этом не участвую!

– Цыц малявка!

– погоди, Ара не горячись, я с ней поговорю.

– Я сама по себе, и не просила Вас вмешиваться.

– Может и так, да только Ты должна ему три трупа, взамен его людей. А это закон для всех, даже для эльфов.

– Усекла!?

Она усекла, в нашем мире принято отдавать долги.

– Только троих.

– Конечно.

– Вот и хорошо.

Армен явно радовался, странно, зачем ему мы двое, он и без тех восьмерых, что лежат тряпичными куклами на полу, укрошит любую охрану в капусту. Подстава?

А вот это вряд ли. У сеньора Ирона нюх на опасность, но бугай похоже искренен, груб, но честен. Такие, не редкость среди наёмников. Эльфийка, миленькая конечно, не спорю, но с другой стороны, худа словно спица.

Больше не пили, для куража в самый раз, а напиваться перед кровавым делом не след.

– Саблю одолжишь?

Армен удивился, но, похоже, самую малость, он тоже многое повидал и знал жизнь, принимая её такой, какая она есть.

– Любую выбирай, им не к чему.

Я встал, не спешно прошёлся среди мёртвых тел, нехотя нагнулся и поднял одну из сабель. Абордажная, с широким, толстым лезвием, сталь плохонькая, но на один раз сгодится.

– Эту.

– И мне.

Не ржал только я, нравилась потому что девчонка, ох нравилась. Не к добру.

– Тт-т-те-ебе то зачем!

– Пригодится.

– А она права, со стилетом на дороге.... Иль саблю пожалел.

Армен нахмурился, затем махнул рукой.

– Бери. Разносящий, собери с трупов что ценного и хозяина крикни.

Торговался он не долго, разве что так, для виду. Оружие, кольчужки, одежда кое-какая, ушли не дорого. Хозяин потирал лягушачьи лапки и пускал слюни от радости. Удачная сделка.

– Этих, закопай где-нибудь. Пора.

Пора знать пора, Армену видней. Он рулит, а мне с О-о-ка... Сааной остаётся лишь плыть по течению..., пока.

На место прибыли удачно, да и точка для засады подходила почти идеально. Дорога изгибалась дугой, частый кустарник вдоль неё затруднял видимость и мог принять в свои колючие объятья отряд и числом поболее.

– Т-с-с.... Скоро будут.

Занятно. Армен конечно наёмник крутой, но блин, откуда у наёмника столь дорогая и редкая вещь!? Говорун не каждому магу под силу создать, что б так, запросто на расстоянии поболтать, это ж каких денег стоит.

Однако. Наводчик опять же, да и говорун..., даже два.... Всё страннее и страннее.

– Едут....

Ирон и сам уже, чутьём мага уловил приближение кортежа. Четверо конных, парой, два спереди, два сзади кареты, ещё двое вооружённых людей на запятках, плюс кучер и

Внезапно сеньор Ирон перестал видеть. Так бывает, когда элементаль воздуха покидает своего хозяина. Я потерял шпиона, кто-то или что-то в карете расправилось с ним в один при-сест.

– Армен, в карете маг!

– Знаю....

– Сильный маг.

– О-о-ка..., ты чувствуешь его?

– Да, их двое, второй не человек.

– Армен, блин! Во что ты нас втянул!?

– Поздно, атакуем!

– Зараза! О-о-ка... Саана, держись позади меня.

– Алга!

Не думаю, что клич наёмников с побережья мог устроить находящихся в карете, но лошадей он точно напугал. Две из них встали на дыбы и одной удалось сбросить своего седока на землю.

– О-о-ка...! Армен! К карете!

Я кричал, потому что надо было что-то кричать, хотя слова были не нужны, все трое в эти мгновенья, мы понимали друг друга с полуслова.

Трое бойцов Армена слаженно атаковали конных, на ходу прикончив того, что пытался подняться с земли. Протяжно и тоскливо зазвенела сталь.

Я любил этот звук, но сегодня сталь может изменить, когда рядом сильный маг и нечто малопонятное. Через несколько долгих мгновений, нам предстоит узнать, чей же сегодня день....

– Режь! Руби! А-а-а!

Я не обращал внимания на крики, на падающего с пробитым горлом бойца Армена, на ржание лошадей..., у меня была другая цель. Маг и нечто, нечто страшнее и сильнее его.

Армен подскочил к карете первым, жалостно затрещала срываема с петель дверь, и он отскочил в сторону. Первый удар получил я, едва устояв на ногах. Ментальный удар был силен и страшен, атаковал не маг, а нечто, но сеньор Ирон отчасти был готов к такому повороту событий. Схватка началась.

Армен не сбежал, как могло показаться, он просто зашёл с другой стороны, разрубив от плеча до пояса слугу сидевшего на запятках. Затрещала вторая дверь.

– О-о-ка...! Не лезь!

Эльфы упрямый народ, она что-то шептала и плела в пальцах, загородив меня своей узкой спиной, и давая время оправиться от удара. Затем О-о-ка...Саана вскрикнула и осела на пожухлую придорожную траву.

– На-а-а!

Армен оказался крепким парнем, заклинание, предназначавшееся мне, маг сидевший с той стороны, разрядил в него. Амулеты..., наёмник знал, с кем столкнётся, знал, но не предупредил заранее.

Клинок широкой абордажной сабли глубоко вошёл в податливую плоть, широкой струёй хлынула алая, как и у всех кровь. Маги они такие же люди как мы, им свойственно жить и умирать. Однако, этот явно не торопился на тот свет. Одной рукой взявшись за лезвие сабли он обломил его прямо в ране и в то же мгновение молния сорвалась со второй.

– А-а-а-а!

Армен заревел. Ещё тлели опалённые волосы и шипел вытекая из глазницы правый глаз, а наёмник уже кромсал обломком клинка руки и лицо мага. Мгновения слились в вечность и лишь тогда, словно протрезвев, я бросил взгляд на нечто..., и не смог отвести.

У него не было лица, лишь глаза и капюшон. Человек, мёртвый человек, вот кем было оно. Где-то там, за границей слуха, обречённо звенела сталь, а я остоленело смотрел в эти глаза.

– Ирон! Ирон! Очнись!

О-о-ка...Саана, да, несомненно она. Как хорошо, что она есть и жива, мне страшно было бы потерять её именно сейчас.

– Да-а?

Мой распухший внезапно язык прилип к нёбу, а руки не желали подняться на уровень груди, и выше, чтобы закрыть глаза от этого пронизывающего до костей взора. Кто-то кричал, пахло горелой плотью....

Я нашёл в себе силы, широкий клинок ткнулся в мёртвую плоть, и продолжал рубить, упрямо отсекая крохотные куски. В голове пылал костёр, выжигая все мысли, желания и вселяя ужас в застывшее испуганным свирестёлом сердце.

Сеньор Ирон не привык трусить, даже в детстве, с коротким самодельным ножом, в неполные тринадцать лет, он выходил против троих, старше и сильнее его. Я не боялся смерти, с тех пор, как похоронил мать и отца, братьев и сестёр....

Мёртвое нечто не желало умирать, хрипел искромсанный на куски маг, не раздавался больше окрест звон стали о сталь, а глаза под капюшоном не желали гаснуть.

О-о-ка...Саана стонала где-то за спиной, получив ментальный удар из-под чёрного капюшона, Армен шатаясь ходил кругами вокруг кареты, ничего не видя и не слыша вокруг. По всему выходило, что приканчивать нечто предстоит мне, а не кому-то ещё..., с этой мыслью я и продолжил начатое.

Глаза мёртвого тела продолжали жечь насквозь, ледяным холодом, а он сам казалось, усмехается, чёрной дырой беззубого рта.

Я рубил, не замечая крови, летящей крупными каплями из носа и ушей, на безумную боль в кипящей голове, ни на его шепчущий смех. Мертвенная плоть поддавалась, медленно,

словно нехотя, отделяясь от костей мелкими частицами, и я радовался тому факту, что ещё жив.

– Н-н-на-а-а-а!

Не представляю, как, возможно помощь ему оказали амулеты, болтающиеся на бычьей шее Армена, но он нащупал мёртвое тело, и сабля ударила в неподатливую плоть. Я лишь чуть посторонился, продолжая рубить, шатаюсь от усталости и боли, молясь всем богам, которых знал и единому абсолюту Предвышнему.

Мне не доставало сил использовать магию, уже не поднималась рука, когда наконец голова нечто отделилась от тонкой шеи. Я не знал тогда с кем или чем столкнулся и не мог предположить что в будущем эти встречи станут частым явлением.

– Хрендец!

Я бы не делал столь скоропалительных выводов, но возможно Армен был прав. Ментальное давление значительно ослабло, хотя монстр всё ещё пытался приладить голову назад.

– Отойди! Поджигаю!

Склянка с полупрозрачным содержимым полетела вовнутрь, и моментально из кареты ударило очистительное, небесно голубое пламя.

– Так!

Армен зашатался и упал, пламя, пожирающее карету, разгоралось всё сильнее и ревело в ночи. Я пытался оттащить наёмника прочь, но руки не слушались, а пальцы бессильно разжимались, хватая лишь воздух.

Когда жар стал нестерпимым, я откатился прочь и потянул за стройную ножку О-о-ка... Сааны. Лёгкое эльфийское тельце поддавалось легче, мне удалось вначале сдвинуть её, а затем и оттащить от огня.

Пламя догорало, сквозь его ленивый треск, мне слышался чей-то мелодичный голосок.

– Ирон! Ирон!

Отлично О-о-ка... Саана очнулась и теперь требует того же от меня..., здоровое желание. Я прислушался к ощущениям. Голова больше не раскалывалась от каждого вдоха, а сердце билось почти в прежнем, нормальном ритме. Разум шептал, пора приходить в сознание и убираться отседова.

– Уходим.

Ноги слушались с трудом и, опираясь на хрупкое девичье плечико масенького эльфа, я похромал к труп Армена.

– Тебе не к чему, а мне пригодиться.

Сеньор Ирон никогда не был мародёром, он лишь привык с детства прибирать к рукам нужные и полезные вещи..., так легче выжить. Он быстро повзрослел, но привычка из жестокого, голодного детства осталась.

Три малознакомых амулета, говорун, деньги я взял не у него, поворошив саблей в загадочно сверкающих углях, мне удалось вытянуть небольшой дорожный сундучок, набитый золотыми систерциями.

– Ну, пошли же!

И мы однако пошли, неспешно, словно на загородной прогулке, шаркая ногами на каждом шагу, точно два древних старца.

Безумный рассвет застал нас в пути, мокрая от росы трава, мокрые ноги и всполохи раннего, утреннего солнца там, далеко за линией горизонта. Звёзды уже умирали, гаснув, молнии разрезали упругий воздух, а метеоры всё падали и падали прожигая себе путь к земле.

– Красиво!

Да, безумно красиво, так бывает всегда, каждое утро в ночь после полнолуния.

– Загадай желание....

У меня было одно, в этот момент, но сеньор Ирон не суверен и я пропустил её слова мимо ушей.

Мы поцеловались, но не больше... Потом был день, двое даже не шли вместе, они просто гуляли, взявшись за руки. Незаметно подкатился развратник вечер, и нарисовалась яркая в своей холодной красоте луна.

Молодая, даже по меркам людей, она была эльфом и оттого казалась ещё моложе.

Милая, хорошая девочка О-о-ка... Саана, образно конечно..., напоминала мне то жёсткий стебель бамбука в лунную ночь, то казалась похожей на тоненькую тростинку, колышущуюся на ветру.

Она не была девочкой в прямом смысле этого слова, но выражение ангельской невинности присущее многим детям всё ещё сохранялось на её строгом лице.

Мы заснули порознь, лишь под утро, когда первые лучи раннего солнца пощекотали мир прохладой, мы прижались друг к другу, но не более...

Не было у нас с ней ничего и на следующий день и на после следующий и следующий за ним.... О-о-ка... Саана считала себя правильной эльфийкой, была помолвлена с кем-то, и оставалась ему верна.

Мне нравилось идти с ней, держа её узкую ладонь в своей руке, всё равно куда, и безразлично как долго. Но ничего не менялось, на мою долю приходились лишь редкие поцелуи, её щебечущий смех и лучезарный блеск милых, загадочных глаз.

Я не знаю, куда мы шли, явно не в замок сеньора Ирона, похоже я просто вёл её к любимому, что бы сдать с рук на руки. Пусть, меня устраивала каждая минута, проведённая с ней вместе.

Так мы шли.... Иногда она принималась колотить меня своими маленькими крепкими кулачками, и тогда я называл её – мой ангел. Она и была для меня ангелом, таким же чистым и таким недоступным. А я оставался мужчиной и потому был сволочью по определению.

– Ты можешь сломать мне жизнь....

Говорила она, в те редкие моменты, когда ей казалось, что она влюблена в меня до безумия. Но помолвка для тёмных эльфов это святое и мы просто шли дальше, никогда не ложась спать вместе. Никогда не делая последнего шага..., шага чтобы стать ещё ближе.

Мы просто шли в никуда....

Нас неудержимо тянуло друг к другу, таких разных, таких непонятных. Как такое могло случиться, как? Не спрашивайте, сеньору Ирону и самому многое не понятно. Она то улыбалась, то грустила.

А я всего лишь влюбился....

Эх... сеньор Ирон, куда вы катите свою жизнь? И я катил, мне хотелось быть рядом с ней, просто быть и ничего больше. Сеньор Ирон с детства числился в романтиках.... Но мне хотелось и её, безумно хотелось, потому что был я, как и все мужчины, мужчиной.

Мужчина. Но я не стремился разделить с ней ложе, я хотел её..., всю, без остатка, но..., на мою долю выпала только её душа, чистая и светлая.

Ей нравился чёрный..., а мне нравилось называть её – моя масенькая чёрная тучка.

Всё было хорошо, относительно конечно, по крайней мере, ровно настолько, насколько возможно.

Хорошо..., пока в моём сердце навеки не поселилась печаль. Я никогда раньше не встречал таких, и уж точно не встречу....

Время падало камнем с небес, неотвратимо и без пощады. Я боялся её потерять, но не хотел видеть её. Это больно быть рядом, больно, когда любишь, когда любят тебя, но.... Я её любил и ненавидел, хотел быть рядом, и был, несмотря на боль.

Ей нравилось общаться со мной, вот именно – общаться. Но у неё был другой, и мы не становились ближе. Она хотела и не могла, её душа рвалась к моей, но тело кричало – нельзя!

Так мы шли. Она знала дорогу, я просто послушно шёл следом.

* * *

Масенькая милая сучка.

– Су-у-у-ка!

Сеньор Ирон не раз испытывал боль, но никогда с двенадцати лет на его щеках не было слёз. Что я в ней нашёл?! Как говорят умные люди – ни кожи, ни рожи.

– Су-ка-а-а-а! За что....

Она ушла ночью, тихо и незаметно, так как могут только эльфы. Ушла, оставив меня одного, наедине с моими невесёлыми мыслями. Ушла, ничего не взяв, лишь сердце, оставив взамен растревоженную, разорванную в клочья душу.

Ничего, без сердца проще жить, а душа, что душа..., срастётся. Она не была сукой, нет, разве что чуть-чуть, как все женщины. И уж тем более О-о-ка...Саана не была стервой, ни капельки..., просто по молодости лет, ещё не успела ей стать.

Я унял сердцебиение и бросил мутный взор по сторонам..., никого. Конечно, она не была сукой, нет, но мне хотелось так думать, потому что она причиняла мне боль, боль от которой не было спасения.

Возможно, мы любили друг друга, но я могу отвечать только за себя. Временами мне казалось, что чувство взаимно, но порой я понимал, что всё зря. Сеньор Ирон не нужен ей.

У нас просто не было будущего....

– Су-у-у-ка!

Я крикнул ещё раз, просто так, что бы прислушаться к эху. Не полегчало, орать больше не имело смысла, она далеко, а если и близко, то всё равно не вернётся. О-о-ка...Саана, когда-то она говорила – не оставляй меня одну, сегодня она оставила в одиночестве меня.

Нам не быть вместе, ни на шаг ближе.... Да. Знал ведь, если не знал, то догадывался, не такой сеньор Ирон дурак, ах не такой. Хуже! Ну что ж, свадьба дело хорошее, даже если она чужая....

Так даже лучше, никто никому и ни чего не должен. Без слёз и соплей, мирно по-английски. Не попрощавшись..., к чему?

Она ушла, исчезла, и враз померк день, скрылось за облаками, словно заблудившись, солнце, набухли чёрными тучами облака.

Сквозь рваную рану в небесах, хлынул дождь. Сеньор Ирон присел на мокрую траву, не было сил стоять, и задумался о смысле жизни, смысле без неё.

В этот хмурый день на душе было особенно гнусно. Не хотелось даже выть. Доступные женские прелести как-то разом, внезапно, словно перестали существовать. Так умирает любовь. Не хочется ничего.

Любовь умерла, в душу стекает кровь из разбитого сердца. Сеньор Ирон не прыщавый юнец, напротив, много повидавший на своём веку мужчина, но предательские слёзы точили изнутри и его.

Хотелось кого-нибудь убить, или убиться самому. Первое мешал воплотить в жизнь врождённый гуманизм, а на второе не соглашалась железная воля.

В окровавленной, изодранной в лохмотья душе было мерзко и пакостно. Это больно, безумно больно вырывать занозу из сердца, даже если эта заноза не материальна. Тем более, если это так....

Душевные раны болят и кровоточат сильнее. Мозг впервые за всё время своего существования отказывался адекватно воспринимать душевное состояние тела.

Мучительно больно и противно когда тебя предают, ещё больнее, когда предают любовь, твою любовь. Опустошение....

Разорванная в клочья и обугленная душа оседала пеплом на кровоточащую рану любви. Сеньор Ирон страдал, так же сильно как раньше радовался, нет, ещё сильнее.

Она не была стервой, просто не успела ей стать, но как у всех женщин в ней было что-то сучье, притягательное и злое. Она по-прежнему манила и отталкивала, будоражила воображение и вызывала неприязнь.

Много чувств переплелось в измаранной грязию, страдающей душе сеньора Ирона, но самое страшное, что там всё ещё оставалось место для любви.

Мне не хотелось верить словам, это жестоко и больно говорить о любви и спать с другим. Но вера, втопанная в грязь и залитая кровью разбитого сердца вера, всё ещё прикрывала собой надежду. И та не умерла, или думала, что жива....

Сеньор Ирон впервые как в детстве хотел зареветь, но слёз не было, они замёрзли в груди и острыми льдинками хлестали сердце и душу. Шёл дождь, и оттого было ещё больнее, горше и тоскливее.

Шёл дождь....

– Сучка, милая глупая сучка.

Пусть.... Я знаю, сеньор Ирон сильный, мне ли не знать себя, я справлюсь, будет опять больно, но я справлюсь, у меня есть цель. Хорты.

Иногда месть лучшее оружие против душевной боли. Я привык терять, привык с раннего детства, и уже тогда в глазах не было слёз. Только от сильного ветра или колючего песка и не от чего более.

Хорты, сегодня сеньор Ирон сделал очередной, пусть маленький, но шаг вам на встречу.

* * *

Моё душевное состояние не располагало к разговорам, думаю те, кто заступил мне дорогу в неуточный час, ждали меня не за этим. Родовой замок был уже близко, но не на столько, чтобы дожидаться помощи.

Тонко пропела стрела, и мне обожгло щёку, за ней последовала вторая, и вскоре уже град стрел накрыл маленькую поляну. Ну и что? Сеньор Ирон задумался. Интересно, кому это из соседей ему удалось перейти дорогу в этот раз?

Сеньору Годзилю, вряд ли, этот старый хрен обычно сидит в своём замке тихо и носа никому не кажет. Сэру Гаю Саксонскому? С чего бы? Такие, как он, стараются ладить с сильными соседями.

Остальные, те, кто мог решиться на открытое нападение, давно разбрелись по могилам, и их прах тлеет в чуть суховатой земле. Хотя, есть один перец, молодой да ранний. Птенец наглый и чванливый, слишком рано лишившийся папеньки и получивший в наследство баронство. Он, барон Тройц, не иначе.

Барон конечно хозяин на своей земле, да только и сеньоры в отличие от сэров ни под кем не ходят. Самостоятельные мы.

Бывали, конечно, случаи и на моём веку, когда бароны подминали под себя и вольных сеньоров. Но и баронство в наше время не пожизненно, хоть и передаётся по наследству. Есть ещё старые законы, на которые можно опереться при случае, да и перекроить кажущиеся незыблемыми догмы и правила.

Тройц стало быть. Да, что ни говори прыткий хлопчик, года не прошло как познакомились, а, поди ж ты, уже и покушение готово.

Ловок, не по годам, и в смекалке ему не откажешь, но толстоват, даже для сеньора. Одного не учёл барон Тройц, сеньор Ирон не просто рубака парень, я ещё и колдовством не брезгую и маг хоть и слабенький, но со стажем.

Ну, насчёт слабенький, это конечно как сказать, вряд ли простой колдун смог бы накрыться магической защитой за столь мизерный срок. Стрелы продолжали лететь к одной точке с завидным и глупым постоянством, не причиняя впрочем, никакого вреда.

Я ждал, когда им надоест, но барон кроме наглости обладал похоже завидным упрямством, щедро замешанным на глупости.

– Барон Тройц, а Вы надо полагать трус!

Град стрел внезапно иссяк, но я не спешил снимать защиту, мало ли что?

Итак, барон, поговорим.

Он не нашёлся что ответить, но на опушку выкатилось полтора десятка легко вооружённых гридней, затем появился барон. Смешно, не имеющие собственной воли гридни и такой же безвольный барон.

Мне никогда не нравилось убивать, ни в детстве, ни потом, отнюдь не тихим сапом захватывая всё новые и новые земли.

Разговор не задался как-то сразу, барону показалось, что он вправе разговаривать со мной на повышенных тонах. Вначале я подумал, что он просто ошибается на мой счёт, не понимая, кто перед ним.

Тройц ругался, брызгал слюной, много говорил о дворянской чести, обвинял в ереси и грозил судом инквизиции. Как Вы думаете, смог бы я такое терпеть?

– Заткнись! Я своего отца не убивал, за меня это сделали другие. А какое право имеешь ты, кричать здесь о чести!?

Барон Тройц ничего не сказал в ответ, лишь покраснел изрядно, затем кожа на его лице пошла белыми пятнами и он махнул рукой.

Гридни набросились все разом, суется и толкаясь, спеша выполнить приказ хозяина. Сталь лязгнула о сталь. На опушку высыпали ещё три десятка.

Может быть, я не настолько хороший маг, но уж точно в схватке на мечах у меня совсем не было шансов. Гридни могли задавить толпой, смять меня и просто истыкать мечами, но.... Я парень запасливый.

Едва кольцо стало смыкаться, и барон приготовился вкусить сладость победы, я достал заветную склянку и разбил её оземь. Через два удара сердца его слащавая улыбка померкла и сменилась гримасой страха.

– Вот мы и остались одни. Поговорим, словно мужчина с мужчиной.

Мёртвые гридни не пытались встать на защиту хозяина, и клинок звякнул о клинок. Тройц оказался неплохим бойцом, но страх, его страх, сегодня играл на моей стороне.

Он хорошо подготовился к этой встрече. Тонко тканная кольчужка гномьей работы, отличный меч и тонкий стилет, обильно смоченный ядом. Особенно кольчуга, она то сначала доставила много неприятностей и едва не стоила мне жизни.

Высверк стали пронзил воздух, близко, смертельно близко. Мой ответный, заканчивающийся уколom в сердце выпад, достиг цели, но не принёс желаемого результата.

Кольчуга сдержала удар, впрочем, как и два последующих. Его клинок не сломался от моих сокрушительных атак, а острое жало стилета едва не лишило меня самого ценного.

После трёх минут яростной сечи он всё ещё стоял на ногах, а я пытался унять дрожь в руках..., следствие подлого укола. У магов свои секреты, яд не всегда страшен знающим. Мне удалось удержать подло ускользающую жизнь в своих руках.

– Ну что Тройц...? Что дальше?

Он задрожал. Не люблю убивать... трусов, но приходилось, я не киллер, я бродяга, бродяга по жизни и бродяга в душе. Романтику порой трудно взять очередной грех на душу, трудно, но необходимо, надо.

Клинки скрестились, в последний раз..., барон коротко вскрикнул. Кольчуга не защищает всё тело, всегда найдётся место, куда может проникнуть холод стального лезвия.

Не люблю вытирать кровь с клинка, мне нравится смотреть как густые, рдяные капли медленно скатываются вниз.

Жаль. Ещё одна рано оборванная жизнь, ещё один замок и земли, за которые придётся долго бороться. Эта смерть не последняя....

Но Вам не привыкать сеньор Ирон, ведь так? Вы притерпелись убивать с детства, хоть Ваше сердце и не очерствело от крови, оно никогда не будет таким как прежде. Добрым, честным и отзывчивым, Вы огрубели сеньор.

– Прости....

Что ещё может сказать один дворянин другому, остывающему трупу. Он тоже не был ангелом, он, убивший отца, и рано похоронивший мать, старшего брата и обеих сестёр.

Я не испытывал раскаяния, да и совесть если и станет мучить, то скоро заткнётся, потому что так было надо. Я не киллер, и убиваю только для того, что бы жить, жить и лелеять одну большую и светлую мечту. Но об этом потом, не сейчас, хотя и она уже порядком замарана кровью.

Я люблю побродить пешком, но отчего-то тревожно и беспокойно на душе. Несмотря на тихий шелест травы под ногами, пение причудливых птиц, тихую беседу листьев.

Мне беспокойно, беспокойно и грустно. Этот век проходит и на смену ему грядёт новый. Каким он будет этот новый век?

Лучше? Хуже старого? Хочется верить, что он этот новый век будет светел и чист, но нет, век, открывающий новое тысячелетие не сулит никому ничего доброго. Я слышу – идёт зло. И Хорты всего лишь начало.

В этот хмурый день на душе было особенно гнусно. Не хотелось даже выть. Доступные женские прелести как-то разом, внезапно, словно перестали существовать. Так умирает любовь. Не хочется ничего.

Любовь умерла, в душу стекает кровь из разбитого сердца. Сеньор Ирон не прыщавый юнец, напротив, много повидавший на своём веку мужчина, но предательские слёзы точили изнутри и его.

Хотелось ещё кого-нибудь убить, или убиться самому. Первое мешал воплотить в жизнь врождённый гуманизм, а на второе не соглашалась железная воля. Хватит крови, на сегодня её даже с избытком.

В окровавленной, изодранной в лохмотья душе было мерзко и пакостно. Это больно, безумно больно вырывать занозу из сердца, даже если эта заноза не материальна. Тем более, если это так....

Душевные раны болят и кровоточат сильнее. Мозг впервые за всё время своего существования отказывался адекватно воспринимать душевное состояние тела.

Мучительно больно и противно когда тебя предают, ещё больнее, когда предают любовь, твою любовь. Опустошение....

Разорванная в клочья и обугленная душа оседала пеплом на кровоточащую рану любви. Сеньор Ирон страдал, так же сильно как раньше радовался, нет, ещё сильнее.

Она не была стервой, просто не успела ей стать, но как у всех женщин в ней было что-то сучье, притягательное и злое. Она по-прежнему манила и отталкивала, будоражила воображение и вызывала неприязнь.

Много чувств переплелось в измаранной грязию, страдающей душе сеньора Ирона, но самое страшное, что там всё ещё оставалось место для любви.

Мне не хотелось верить словам, это жестоко и больно говорить о любви и спать с другим. Но вера, втоптанная в грязь и залитая кровью разбитого сердца вера, всё ещё прикрывала собой надежду. И та не умерла, или наивно думала, что жива....

Сеньор Ирон впервые как в детстве хотел зареветь, но слёз не было, они замёрзли в груди и острыми льдинками хлестали сердце и душу. Шёл дождь, и оттого было ещё больнее, горше и тоскливее.

Шёл дождь....

Смысл жизни?

Было больно и горько, когда сеньор Ирон достиг широких кованых ворот родового замка. Наверное, ещё большее и горше, чем я думал.

Пусть. В этом мире всё течёт и всё изменяется. Чечёт вода, время, события..., изменяют люди.

Она предала нашу любовь, предала ради чести. А может быть я не прав..., и не было ничего?! Да и была ли честь....

По меркам эльфов она просто ребёнок, масенький, глупый ребёнок, решившийся играть во взрослые игры. И я не виню её, пусть она сама обвиняет себя, если хочет. А провод есть....

Повод всегда есть, но это, однако, совсем другая история.

День, второй, третий... Я предавался праздности, не пил, горе не утопить в вине, сидел часами глядя в одну точку, далёкую и недоступную, и думал, просто думал о ней. Спал, наверное ел, и вспоминал.

Было, всё же было, мы спали вместе..., так было не раз и даже не два. Я помню сладкий вкус её нежных губ и пьянящие поцелуи. Я помню, как она стонала подо мной, всё помню....

Неужели это был лишь сон, сон навеянный любовью?

Сон, всего лишь глупый, случайный сон. Сон, один из многих, что часто снятся на жизненном пути безумных магов.

В чём смысл жизни спрашивал я у себя не раз и не находил ответа, ни тогда в голодном, помойном детстве, ни сейчас. Жизнь в чём твоё значение? Где покоится корень всего сущего, кто управляет миром? Почему умирает любовь?!

Почему она умирает....

У меня не было ответов, лишь длинная череда вопросов, череда боли и грусти, тоски и безысходности. Да тревожно ныла порванная в клочья душа.

Почему мы убиваем свою любовь!?

* * *

Дом, сеньор Ирон вернулся. Домой,лизывать свежие раны. Я очнулся, сон не может длиться вечно. Замок, мой родовой замок.

– Жид, всё ли было спокойно, за время моего отсутствия?

– Всё, за исключением Фонфана, Донкахода, Бильвуфа, Рихардо и Мотыля, мой сеньор.

На самом деле моя челюсть редко срывается вниз и ударяется об булыжники мощёного двора. Редко, потому что это больно и ещё, Жид никогда не докладывает мне о мелочах, с которыми не в состоянии разобраться сам.

Жид, классный мажордом, он знает, какие новости сообщаются первыми. Конечно, позднее он подаст полный список катастроф в письменном виде. Вот только станет ли сеньор Ирон читать?

И если он начал с моих друзей..., значит их дело дрянь.

– Где?

– В городской тюрьме..., нарушения установленного порядка управления, сопротивление властям....

– И...?

– Общий срок двести пятьдесят лет на каменоломнях или полста систерциев.

Что-то мне подсказало, что дело дрянь.

– Золотом?!

– Да сеньор, а в казне таких денег нет.

– Козлы! А что так дорого?!

– Наследили. Трупов много после себя оставили.

Ну, да, такой то шайкой. Куда городским стражникам до моей детской, правда, слегка подростковой, компании. Ага, вымахали! Вот только дурь из их тыкв никак не выветрится. Всё бы безобразить да куролесить.

– Козлы.

Произнёс сеньор Ирон в очередной раз уже тише, ласково и с любовью. Опять выручать, а денег нет. Может морду кому набить?

* * *

И набить таки пришлось....

– Да ты червь как, с бароном(графом) разговариваешь?! Не узнаёшь, кто перед тобой?!

– Как не признать. Сеньор Ирон не извольте гневаться, да только король строго настроено приказал под честное дворянское слово никого из узилища не выпускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.